

Славяне и Восток

Сборник. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С47

С47 Славяне и Восток: Сборник. Часть 1 / – М.: Книга по Требованию, 2013. –
123 с.

ISBN 978-5-517-99388-5

ISBN 978-5-517-99388-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

. . . Левъ Толстой, выросшій въ условіяхъ западной культуры, проклялъ ее со свойственной ему страстностью, отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и обратился на Востокъ, чтобы поклониться Лао-цзы и Менъ-цзы, признавъ только въ ихъ мудрости подлинныя отсвѣты неба. Въ этомъ знаменательномъ паломничествѣ Толстой готовъ былъ дойти до тѣхъ крайностей, которыя казались непосильными даже и для самого Востока. — „Есть малоизвѣстный китайскій философъ Лао-цзы“ — пишетъ Толстой — „ученіе котораго утверждаетъ, что люди избавились бы отъ всѣхъ бѣдствій личныхъ и общественныхъ, если бы они соблюдали недѣланіе. И я думаю, что онъ совершенно правъ. Меня всегда поражало то удивительное, утвердившееся въ Западной Европѣ мнѣніе, что трудъ есть что - то вродѣ „добродѣтели“...“

Такъ ренегатствовалъ Толстой, плѣнившись безвоздушными вершинами, гдѣ Востокъ нашелъ свою усладу и свою гибель. Къ этимъ нежилымъ вершинамъ тянулся Левъ Толстой, въ нихъ искалъ отдыха отъ тѣхъ бурныхъ ферментовъ, подъ влияніемъ которыхъ жизнь вокругъ него пѣнилась, переливалась черезъ край, низвергаясь куда - то мутными каскадами. Помню, когда я былъ въ „Ясной“ и мнѣ посчастливилось долго говорить съ Толстымъ, до глубокой ночи, меня поразило, что всякое случайно оброненное упоминаніе о странахъ Востока заставляло его загораться, и онъ становился огневымъ, какъ въ минуты вдохновенія. Въ этотъ вечеръ онъ вообще горѣлъ — возбужденіе отъ лихорадки, которую онъ захватилъ купаясь по утру, поднимало мысли, и безъ того могучія, но воодушевленность замѣтно возрастала, когда мелькалъ Востокъ. Туда, только туда бѣжалъ геній Запада, тамъ искалъ просвѣта и „нечаянныхъ радостей“.

А въ это время гениальный индусъ Рабиндранатъ Тагоръ ренегатствовалъ на Западѣ. Онъ, правда, не измѣ-

ниль своей родной Индіи. Онъ знаетъ, что истинная свобода начинается только съ той минуты, когда „человѣкъ почувствуетъ отголосокъ ритмическихъ ударовъ душевной жизни всего міра въ своей собственной душѣ“... Онъ еще настаиваетъ, что надо искать „мѣста встрѣчи души человѣка съ душой міра“ и „измѣрять свою величину не по внѣшнему образу, а по своей связи въ безконечномъ, по покою звѣзднаго неба и вѣчно текущаго ритмическаго хоровода твореній“. Но тотъ же Тагоръ, не скрываясь, привѣтствовалъ сказочную трудоспособность Запада, его переобразовывающую силу“. Когда человѣкъ расчищаетъ джунгли, съ ихъ вредными міазмами, и создаетъ садъ, тогда красота освобождается отъ ея безобразной оболочки и въ этомъ перевоплощеніи природы проявляется душа человѣка въ полномъ расцвѣтѣ“. „Съ помощью науки мы приобрѣтаемъ власть: паръ и электричество замѣняютъ нервы и мускулы“... „Кто такъ погрязъ въ неправдѣ, что осмѣлится назвать неправдой все это — и эту цивилизацію развивающагося человѣчества и это вѣчное усиліе человѣка достигнуть побѣды своихъ силъ, пройдя всю пучину горя, всѣ высоты радости, преодолевъ безконечныя препятствія внутри и извнѣ“...

Толстой, замороженный Востокомъ и провозгласившій, вслѣдъ за Лао-цзы, бездѣятельность, какъ основу непорочной жизни, и Тагоръ, предавшій свои родныя джунгли, чтобы вмѣсто нихъ, подъ вліяніемъ бурнаго Запада, возникло, какое-то предпріятіе, — въ частности; можетъ быть, и садъ, какъ того хочетъ Тагоръ... Это указывало, что Востокъ, сознавая свою историческую ошибку, томится въ бездѣйствіи и готовъ измѣнить своей дремотной неподвижности, а Западъ, задыхаясь отъ вѣчной суеты, ищетъ просвѣта въ духовности и созерцательныхъ настроеніяхъ Востока. Два генія бѣжали изъ своихъ странъ, но если бы они встрѣтились въ пути и выяснили, что каждый изъ нихъ искалъ обѣтованную землю какъ разъ тамъ, откуда другой бѣжалъ, то, несомнѣнно, въ ихъ недоумѣннн былъ - бы единственннн спасительннн исходъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ явился бы и свѣтлымъ откровеніемъ: оба они остались бы на мѣстѣ встрѣчи, въ серединѣ своихъ путей, между Востокомъ и Западомъ, чтобы на этой пограничной чертѣ воздвигнуть общій храмъ...

Не гордись.

Не гордись передъ Бѣлградомъ
Прага, Чешскихъ странъ глава,
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва.

Вспомнимъ — мы родные братья,
Дѣти матери одной:
Братьямъ -- братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой.

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ,
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ.

Испытанья время строго,
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь.
Много милости, у Бога,
Безъ границъ его любовь

Пронесется мракъ ненастный
И, ожидаемый давно.
Возсияетъ день прекрасный:
Братья стануть за одно.

Всѣ велики, всѣ свободны --
На враговъ -- побѣдный строй.
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной.

СНЫ.

Я живу въ одномъ изъ уголковъ Чехіи, извѣстномъ своимъ здоровымъ воздухомъ, красивыми окрестностями и вѣковымъ тихимъ паркомъ, окруженнымъ кольцомъ скалъ.

Гдѣ-то немолчно шумитъ водопадъ, наполняя жизнью прозрачныя воды ручьевъ и каналовъ.

Цвѣтутъ каштаны, цвѣтеть сирень, дремлютъ старыя липовыя аллеи.

И далеко-далеко синѣютъ покрытые сосновыми лѣсами массивы горъ.

* * *

Меньше чѣмъ въ километрѣ отъ города бѣлѣтъ цѣлый рядъ лагерныхъ построекъ, выросшихъ нѣсколько лѣтъ назадъ, послѣ начала міровой войны.

Свидѣтелемъ странныхъ явленій, свидѣтелемъ страннаго стеченія обстоятельствъ является этотъ лагерь.

Онъ выстроенъ при австрійскомъ императорѣ.

Выстроенъ для галиційскихъ поляковъ, бѣжавшихъ въ глубь Австро-Венгріи отъ наступленія русскихъ армій въ 1914 г.

Австрія ихъ водворила къ Чехамъ.

Русскія арміи очистили Галицію.

Поляки ушли.

Ушли — и на ихъ мѣсто пришли русскіе, — русскіе плѣнные солдаты изъ Германіи и Австріи, иначе говоря тѣ русскіе, отъ которыхъ бѣжали въ 1914 году галиційскіе поляки.

Умолкли боевые выстрѣлы на западномъ фронтѣ.

Волны человѣческой крови, пролитой въ Европѣ, прорвали всѣ плотины и смыли короны императоровъ Россіи, Германіи и Австріи.

Открылась на берегу Сены конференція мира, заговорили о Лигѣ Націй, нѣсколько разъ переѣхалъ Атлантический океанъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ.

Былые бойцы великой русской арміи пріютились въ лагерь, выстроенномъ въ Чехіи для тѣхъ, кто когда-то бѣжалъ отъ ихъ оружія.

Бѣгутъ часы и дни, наступила весна, зацвѣли каштаны.

И въ лагерь, гдѣ часть бараконъ занята русскими, начали приходять новые люди.

Приходятъ галичане-украинцы, отходящіе подъ ударами оружія поляковъ.

Они приходятъ въ лагерь, встрѣчаются съ русскими, и... селятся въ особыхъ дальнихъ баракахъ:

Мы — украинцы, они москали.

Серьезнаго вида неизвѣстный челоувѣкъ бродить около лагера, разглядываетъ среди встрѣчныхъ солдатъ крестьянъ Минской, Гродненской, и Могилевской губерній, долго бесѣдуетъ съ ними и въ результатѣ убѣжденно заявляетъ:

— Помните-же, что вы — бѣлоруссы; русскіе одно, бѣлоруссы — другое...

И будущіе граждане новой державы смущенно отходятъ прочь, совершенно обезкураженные новымъ открытіемъ.

Равнодушно смотрятъ не все происходящее бѣлья постройки лагера.

Не все ли имъ равно.

Выстроены онѣ на славянской землѣ, для славянъ, бѣжавшихъ отъ славянъ, живутъ въ нихъ теперь славяне, отъ которыхъ въ свое время бѣжали славяне, приходятъ новые славяне, бѣгущіе отъ славянъ, славяне даютъ пріютъ бѣгущимъ отъ славянъ славянамъ.

Кое-кто изъ не славянъ втихомолку радуется, самодовольно потираетъ руки.

И еще-бы не радоваться.

Есть у славянъ друзья, способные разобраться въ событіяхъ переживаемыхъ дней, но есть и враги, учитывающіе каждую мелочь.

Стоитъ ли только вамъ радоваться, господа враги.

* * *

Пряный и чистый воздухъ, плывущій съ горъ, успокаиваетъ мысли, наполняетъ усталое сердце покоемъ и навѣваетъ легкіе, красочные, чарующіе сны...

Нѣтъ словъ, напоминающихъ тяжелое прошлое, не повторяется въ нихъ и кошмарная явь текущихъ дней.

О новомъ и прекрасномъ рассказываютъ сны, навѣянные чистымъ воздухомъ горъ.

Цвѣтутъ каштаны и липы, цвѣтеть сирень, быстро бѣгутъ прозрачныя воды ручьевъ и каналовъ.

Навѣянный чистымъ воздухомъ горъ, ко мнѣ не разъ слеталъ сонъ о великой и прекрасной Славїи, о великой странѣ объединенныхъ въ неразрывный союзъ славянъ — великой странѣ, пространствомъ отъ береговъ Тихаго океана, до Сѣвернаго и Чернаго морей.

Не разъ мнѣ уже снится великая и прекрасная Славїя...

Снится такой, какой я видѣлъ ее въ старой Прагѣ, изображенной на стѣнной фрескѣ обширныхъ сѣней городской ратуши.

О, если бы сбывались сны, навѣянные чистымъ воздухомъ горъ.

КРАЙ ПРАВОГ ДУНАВА.

— „Тамо далеко...“

Снова долетѣли до моего слуха эти слова, эта полная красоты и тихой грусти мелодія.

Долетѣли совершенно случайно — изъ устъ мимолетнаго гостя Чехи, русскаго воина, совсѣмъ недавно оставившаго Бѣлградъ.

И выплыли изъ тумана картины прошлаго, — недавняго прошлаго, но такого прошлаго, отъ котораго не мало воды утекло.

— „Тамо, далеко край правог Дунава...“

Сколько непритворной тоски и горя звучало въ этой пѣснѣ, когда я ее услышалъ впервые.

Я пріѣхалъ изъ Парижа въ С. Рафаэль, одинъ изъ прибрежныхъ городковъ Юга Франціи, находившійся въ нѣсколькихъ километрахъ отъ древнихъ аренъ Фрежюса.

Здѣсь, въ кошмарные дни войны и кроваваго безумія, носившагося по Европѣ, вдали отъ орудіиныхъ выстрѣловъ, находили себѣ временный пріютъ и отдыхъ многіе изъ страдальцевъ боевыхъ полей.

Сюда, такъ же какъ и въ другіе пункты Ривьеры, стекались раненые, изувѣченные и инвалиды, искавшіе исцѣленія подъ небомъ благославленнаго края земли.

Быль вечеръ, я сидѣлъ на скамѣ набережной Феликс-Мартэн, слѣдя за нѣжнымъ наплывомъ морскихъ сумерокъ.

И вдругъ, гдѣ-то, совсѣмъ близко зазвучала пѣсня. Пѣло нѣсколько молодыхъ голосовъ, голосовъ твердыхъ, увѣренныхъ, но полныхъ какой-то особенной, величавой грусти.

Я вслушался внимательнѣе и вскорѣ съ радостью различилъ въ пѣснѣ знакомыя славянскія слова.

„Тамо далеко, далеко.
Край правог Дунава.
Тамо је село моје
Тамо моја Србија...“

Пѣли три молодыхъ инвалида-серба, сидѣвшихъ на со-сѣдней скамейкѣ. Двое изъ нихъ были совершенно слѣпы, третій не имѣлъ ноги. Французъ-санитаръ привелъ ихъ изъ со-сѣдняго госпиталя на берегъ лазурнаго моря. Только безно-гий калѣка могъ созерцать его голубыя дали, такъ какъ для двухъ остальныхъ и море, и краски заката, и панорама морскихъ Альпъ были такою же тьмою, какъ и вся окру-жавшая ихъ жизнь.

Имъ были оставлены на утѣху только звуки.

И въ этихъ звукахъ, звукахъ своихъ собственныхъ голосовъ, они старались выразить все, что пережили въ недавнемъ прошломъ, и что пережили теперь, вмѣстѣ со всею своею бѣдною родиной.

Тою родиной, которой въ ту минуту у нихъ не было, не было потому, что всю ее цѣликомъ заняли вражьи полки.

Не осталось клочка земли, принадлежавшей сербамъ, отъ границы до границы наложили на нее нѣмцы свой желѣзный кулакъ.

Остались только сыновья своей страны, остался во-оруженный народъ Сербіи, шагъ за шагомъ отступавшій среди жестокаго боя подъ напоромъ неизмѣримо сильнѣй-шихъ враговъ, занимавшихъ маленькую, поставленную въ ужасныя условія самообороны, землю.

Невеселые дни и годы перенесли народы міра за время великой, небывалой войны.

Всѣ пять лѣтъ — одна сплошная кровавая трагедія, одинъ тяжкій кошмаръ.

Но, несмотря на всю необъятную величину хаоса че-ловѣческихъ страданій, исторія не забудетъ эпизоды под-виговъ отдѣльныхъ народовъ, жуткую красоту которыхъ не сотрутъ никакіе вѣка.

Къ такимъ эпизодамъ несомнѣнно будетъ отнесенъ однимъ изъ первыхъ — эпизодъ Сербіи.

Было рѣшено раздавить, уничтожить, стереть въ по-рошокъ маленькое славянское государство. и громадныя

массы нѣмецкаго огня и желѣза поплыли съ сѣвера на холмы и равнины сербовъ.

Какъ одинъ всталъ на защиту своей родины и свободы сербскій народъ. Сурова, тяжела и неблагоприятна была борьба.

Что можно было сдѣлать рядамъ честныхъ бойцовъ съ надвигавшимися на нихъ полчищами бронированныхъ кулаковъ.

Отрѣзанные отъ союзниковъ, окруженные врагами и измѣной, обливавшіеся кровью, одни за другими оставляли сербы родные города и деревни со своими близкими, женами и дѣтьми.

— Скоро вернемся — ободряли они другъ друга. — Намъ выручатъ союзники, намъ выручить наша великая сестра Россія.

Но врагъ былъ силенъ.

Все дальше и дальше отступала армія защитниковъ, поливая сербскую землю кровью и слезами.

Быстро мчались кошмарные дни. И наступилъ день самаго горькаго, самаго страшнаго испытанія.

Не оставалось больше ни одного клочка сербской земли, и въ урочный часъ изнеможенные бойцы за ея свободу принуждены были ступить за ея границы.

Сербская земля осталась въ рукахъ враговъ.

— Нашъ крестный путь шель черезъ Албанію, черезъ ея лѣса и скалистые ущелья — рассказывалъ мнѣ съ тоскою сербъ-инвалидъ на набережной Феликс-Мартэн... — Съ нами уходилъ король Петръ, съ нами шли всѣ, кто только могъ носить оружіе и за нами же неотступно слѣдовалъ голодъ, горе, болѣзни и смерть... Мы шли къ морю. Печальнымъ было наше движеніе днемъ, и еще печальнѣе и страшнѣе были наши ночи, ночи приваловъ среди скалъ, гдѣ, что ни шагъ — змѣя, гдѣ, что ни часъ — смерть отъ истощенія и лихорадки... Ярко пылали, зажженные въ темнотѣ дикихъ ущелій костры. Мы засыпали около этихъ костровъ, скованные усталостью, и никого не удивлялъ на утро обгорѣлый трупъ товарища, свалившагося за время своего каменнаго сна въ огонь. Вставало солнце и мы продолжали нашъ путь къ берегамъ моря, все дальше и дальше уходя отъ родной земли, гдѣ осталось все близкое и дорогое.

— Мы вернемся, мы освободимъ нашу Сербію, — говорили сербскіе воины. — Врагъ силенъ, но любовь къ

родинѣ сильнѣе. Намъ помогутъ союзники, намъ поможетъ наша дорогая сестра, Великая Россія. И усталые, изможденные, мы переплывали морскія волны, увозя съ собою любовь къ Сербіи, надежду на пришествіе лучшихъ дней и вѣру въ Бога и въ свое правое дѣло.

Очаровательна природа острова Корфу и вѣчно улыбается голубая даль Адриатическаго моря.

Но что могутъ сдѣлать красоты природы для исцѣленія души, охваченной обидой и тоской.

Здѣсь, залячливая раны и отогрѣваясь подъ южными лучами солнца, стали набираться новыхъ силъ уцѣлѣвшіе ряды героевъ.

Изъ пятисотъ тысячъ защитниковъ родины, собранныхъ подъ знамена, достигло Корфу не болѣе полутораста тысячъ.

Гдѣ были триста пятьдесятъ!

Во всякомъ случаѣ, не въ городахъ и селеніяхъ Сербіи, гдѣ остались однѣ женщины и дѣти, и не въ австро-германскомъ плѣну, гдѣ процентъ сербскихъ плѣнницъ былъ весьма ничтоженъ.

Они легли на поляхъ Ядора, Колубавы, Космы и Рудника; тридцать девять тысячъ молодыхъ сербовъ погубило отъ голода въ одной только Албаніи, оставшись, въ большинствѣ случаевъ, лежать безъ погребенія среди ущелій и каменныхъ глыбъ и являясь добычею шакаловъ.

Но вѣра не гасла.

Остатокъ героической арміи крѣпкъ и готовилъ себя на новое, славное дѣло.

И среди лихорадочныхъ приготовленій къ новой борьбѣ за освобожденіе родины, въ рѣдкіе часы отдыха, съ цвѣтущихъ береговъ Корфу впервые начала летѣть черезъ волны Адриатическаго моря полная вѣры и тоски пѣсня:

„Тамо далеко, далеко,

Край правог Дунава.

Тамо је село моје

Тамо моја Србѣи“ ...

И снова пошли въ неравный бой уцѣлѣвшіе сыны героическаго народа, храня въ сердцахъ неугасимые свѣточки вѣры, надежды и любви.

И еще одно великое испытаніе встало на ихъ пути. Въ самыя тяжкія и болѣзненные минуты ихъ усилій, неожиданно заболѣла грознымъ и дождимъ недугомъ ихъ сестра и старый другъ — Великая Россія.